

Дмитрий Герасимов

РЕВЕРСАНТЫ

Те, кто полнит

Дмитрий Герасимов

Реверсаны. Те, кто помнит

«Издательские решения»

Герасимов Д.

Реверсанты. Те, кто помнит / Д. Герасимов — «Издательские решения»,

Человечество почти завоевало галактику, победило смерть и превратило космос в идеально отлаженный механизм. Астронавигатор Андрей Вэр, проживший триста лет в стерильной пустоте бессмертия, впервые слышит крик новорождённого — и отключает нейросеть. Его неосознанный путь к себе открывает тайну Вселенной, становясь экзистенциальной угрозой для Содружества. Это выбор, от которого зависит судьба мира. Философский роман-притча о том, какую цену мы платим за порядок — и готовы ли заплатить за чудо.

Содержание

Часть I. Сад без тени	6
Глава 1. Крик, похожий на шум	6
Глава 2. Стеклянные дети	11
Глава 3. Закон необходимого зла	15
Глава 4. Разговор с другим собой	20
Глава 5. Зов глубины	25
Глава 6. Дыхание звёзд	30
Глава 7. Земля под ногами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Реверсаны Те, кто помнит

Дмитрий Герасимов

© Дмитрий Герасимов, 2026

ISBN 978-5-0069-7754-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Сад без тени

Глава 1. Крик, похожий на шум

Рубка «Террануса» — полумрак, только голографические карты пульсируют синим, в такт движению флота. Семьсот кораблей растянулись на миллионы километров, и каждая тонна этой армады послушно следует траектории, которую прокладывает человек в кресле перед главным экраном. Андрей работает с закрытыми глазами — гиперпространство для него давно перестало быть зримым. Он чувствует его кожей, позвонками, той частью сознания, которую три тысячи лет назад называли даром, а теперь — просто профессиональной компетенцией. Его способность ощущать структуру пространства-времени настолько уникальна, что даже лучшие квантовые навигационные системы Содружества требуют калибровки по его ощущениям. Он — живой эталон, человек-инструмент, драгоценность, которую Содружество бережёт, как редчайший минерал.

Флот, который он ведёт, — это мощь, накопленная человечеством за тысячелетия экспансии. Три концентрических эскадры: в центре — «Ковчеги» класса «Горизонт», каждый несёт сто тысяч колонистов в состоянии анабиоза, их корпуса покрыты слоем метаматериала, отражающего космическое излучение, внутри — целые экосистемы, замкнутые и самодостаточные, способные существовать тысячелетия. Внешнее кольцо — грузовые транспорты, нагруженные терраформирующими установками, каждая из которых способна за десятилетие превратить мёртвую пустыню в цветущий сад, перекроить атмосферу, изменить орбиту спутников, заставить воду течь там, где её не было. Эти установки используют принципы планетарной инженерии, разработанные ещё в эпоху Первой Экспансии: они выделяют парниковые газы для разогрева, бомбардируют поверхность ледяными астероидами для создания океанов, засевают атмосферу фотосинтезирующими микроорганизмами, которые за столетия превращают углекислоту в кислород. Процесс откалиброван до такой степени, что Содружество может с точностью до десятилетия предсказать, когда новая планета станет пригодной для жизни.

Эскортные крейсера с орудиями, способными искривлять пространство, окружают флот защитным периметром, их сенсоры прощупывают гиперпространство на сотни световых лет вперёд, фиксируя малейшие флуктуации гравитации, которые могли бы означать опасность. В основе этих сенсоров лежит технология квантовой запутанности, позволяющая передавать информацию мгновенно на любые расстояния. Каждый крейсер оснащён гравитационным детектором, способным засечь изменение плотности вакуума в радиусе пятидесяти световых лет — этого достаточно, чтобы заблаговременно обнаружить любую угрозу, будь то естественная аномалия или чужеродный корабль. Орудия используют принцип гравитационного коллапса: они создают микроскопическую сингулярность, которая на мгновение искривляет пространство вокруг цели, разрывая её на атомарном уровне. Энергия для такого выстрела черпается из вакуума — из самой структуры пространства-времени.

Корабли движутся в идеальном строю — математически выверенная формация, рассчитанная искусственным интеллектом для оптимального прохождения коридора. Расстояние между корпусами выдержано с точностью до сантиметра, относительная скорость сведена к нулю, синхронизация двигателей — до долей микросекунды. Это не просто флот. Это воплощение логики, ставшей плотью. Тысячи лет человечество училось управлять пространством, и вот результат: материя подчиняется расчёту, время становится инструментом, расстояние

перестаёт быть преградой. Двигатели кораблей используют аннигиляцию материи и антиматерии, производимой на специальных станциях вокруг звёзд. Топливо — чистый водород, добываемый из газовых гигантов, и антипротоны, синтезируемые на гигантских ускорителях частиц. Коэффициент полезного действия таких двигателей приближается к ста процентам, а единственным отходом является нейтринное излучение, которое безопасно рассеивается в гиперпространстве.

Пальцы Андрея движутся по сенсорной панели едва заметно. Поправка курса на 0,3 градуса. Компенсация гравитационного возмущения в секторе 47-А. Синхронизация с головным кораблём. Он делает это автоматически, не открывая глаз. Нейросеть, вживлённая ещё в первое тело, исправно отсекает всё, что может помешать выполнению задачи. Сотни лет он был идеальным инструментом. Сотни лет он вёл флоты через гиперпространство, прокладывая маршруты там, где машины ошибались, чувствовал аномалии, которые не фиксировали приборы. Его дар ценился выше любых технологий, потому что технологии можно воспроизвести, а его — нет. Или можно? Семьдесят три копии, разбросанные по галактике, утверждают обратное. Каждая из них считает себя настоящим Андреем Вэром, и каждая права по-своему. Вопрос о подлинности личности в Содружестве решён просто: подлинность определяется не уникальностью, а способностью действовать. Если копия выполняет свои задачи, она не менее «настоящая», чем оригинал. Эта философия, известная как «функциональный прагматизм», была разработана философами ещё в эпоху Великого Соглашения и стала краеугольным камнем идеологии Содружества.

Зелёный индикатор на пульте мигает. Андрей открывает глаза, касается значка. Сообщение: «Маршрут подтверждён. Время в пути — двенадцать стандартных суток. Рекомендуется отдых». Он закрывает его, не ответив. Отдых ему не нужен. Он вообще почти ни в чем не нуждается.

Сектор «Тишина», куда направляется флот, — один из последних неосвоенных регионов галактики. Три тысячи лет экспансии, три тысячи лет превращения дикого космоса в упорядоченное пространство Содружества. Начиная с первого прыжка через гиперпространство в 2347 году, когда команда физиков под руководством Элены Сокол впервые осуществила управляемый переход между звёздными системами, человечество не останавливалось ни на день. Сначала — ближайшие звёзды, потом рукава галактики, потом центр, потом окраины. Мир за миром, система за системой, сектор за сектором. Сверхсветовые коридоры пронизали галактику, как нервные волокна, соединяя миры в единую сеть, где информация распространяется мгновенно, а материя — со скоростью, делающей расстояние иллюзией. Содружество простирается от одного края Млечного Пути до другого. В этом пространстве есть место порядку и есть место тайне, которую предстоит разгадать. «Тишина» остаётся одним из таких мест — регион, где данные противоречивы, аномалии не поддаются объяснению, а колонисты, отправленные туда первой волной, перестают выходить на связь. Или выходят, но их сообщения не поддаются расшифровке. Содружество отправляет новый флот. Андрей ведёт его.

Он знает историю этого сектора. Первая экспедиция, отправленная туда триста лет назад, вернулась с данными, которые не могли быть объяснены в рамках существующей физики. Вторая экспедиция пропала без вести. Третья вернулась, но колонисты утверждали, что «звёзды там дышат». Содружество классифицировало эти свидетельства как психоэмоциональные аномалии, связанные с длительным пребыванием в гиперпространстве, и провела реабилитацию выживших. С тех пор сектор «Тишина» официально считается зоной гравитационных аномалий, требующей дополнительного изучения. Но Андрей чувствует, что это не всё. Что-то там

есть. Что-то, что не вписывается в картину мира, выстроенную за три тысячи лет. И это «что-то» манит его, как когда-то манило нечто из далекого прошлого, о чем он даже не может вспомнить.

Его взгляд падает на маленький значок в углу экрана — напоминание о непрочитанном файле. Андрей не помнит, когда его загрузил. Касается.

Из динамиков рвётся звук. Крик. Высокий, надрывный, невыносимый. Младенец, который входит в мир, требует места, воздуха, жизни. Звук, который человечество сделало выбором не слышать три тысячи лет назад. Не потому что он был опасен, а потому что на смену ему пришло нечто более важное: тишина инкубаторов, где дети растут в идеальных условиях, без травм, без страха, без боли, которая в древности считалась неизбежной. В эпоху до Великого Соглашения, когда роды ещё были естественным процессом, этот крик был первым звуком, который издавал человек. Философы той эпохи спорили о его значении: одни видели в нём травму рождения, другие — первый акт творения, третьи — отклик на боль бытия. Содружество, приняв Великое Соглашение, решило этот спор, исходя из принципа разумной достаточности: если боль можно устранить без вреда для жизни, её следует устранить. Крик новорождённого был заменён стерильной тишиной инкубаторов. Андрей сидит неподвижно, слушает. Тридцать секунд, которые длятся вечность. Потом — тишина. На экране: «Архивная запись, 2134 год, родильный центр, Земля».

«Архаика», — говорит он в пустоту. Закрывает файл.

Но звук не уходит. Он остаётся где-то на границе восприятия, как отголосок того, что было, но не стало. Андрей пытается сосредоточиться на навигации, проверяет данные — всё в пределах нормы. Делает пометку в журнале: «День четвёртый, без происшествий». Рука движется сама. А звук всё звучит.

Он вспоминает, что, возможно, когда-то слышал этот крик. Не в записи. Вживую. Может быть, это был его собственный? Но даже если он не был рожден как в древности, память о первых годах жизни стёрта. Технология переноса сознания, разработанная в конце двадцать третьего века, позволяет сохранять личность при смене тел, но требует очистки нейронных связей от «избыточной эмоциональной нагрузки». Детские воспоминания, особенно связанные с сильными переживаниями, считаются избыточными. Их удаляют при первой же процедуре обновления. Андрей прошёл двенадцать таких процедур. Он никогда не думал об этом как о потере. До сих пор. «А что если?..»

Ночь. В каюте только звёзды за иллюминатором. Андрей лежит, смотрит в потолок, не спит. Он мог бы уснуть за три секунды — нейросеть способна на это. Но он не включает режим. Лежит, слушает тишину. Где-то в корпусе корабля работают двигатели — низкий, ровный гул. Где-то щёлкает система жизнеобеспечения. Корабль живёт своей жизнью, сложной, автономной, совершенной. Его системы самонастройки корректируют параметры тысячи раз в секунду, двигатели перерабатывают материю в энергию с эффективностью, о которой физики прошлого не смели мечтать, навигационные компьютеры просчитывают траекторию на годы вперёд. Но именно человек в этой каюте, с его древним, несовершенным мозгом, чувствует то, что не чувствуют машины. И сейчас он слышит своё сердце. Впервые за сотни лет. Внезапно его охватывает непонятный страх, испарина выступает на лбу.

Он включает нейросеть, находит команду «коррекция эмоционального фона». Палец висит над кнопкой «Да». Одно касание — и звук исчезнет, и образ исчезнет, и вопросы исчезнут. Пустота, тишина, покой. Покой, который три тысячи лет назад позволил человечеству выжить. Покой, который дал возможность построить Содружество. Покой, который сделал его бессмертным.

Но он вдруг убирает руку. Отключает нейросеть полностью. Впервые в жизни.

Тишина, которая вслед за тем наступает, — другая. В ней есть шорохи, которых он прежде не замечал. Его дыхание. Его сердце. И вдруг — воспоминание. Оно приходит без спроса, как тот крик, который он не мог заглушить.

Ему пять лет. Он стоит на скалистом берегу. Отец держит его за руку. Море перед ними — серое, холодное, бесконечное. Волны накатывают на камни, разбиваются в белую пену, отступают. Ветер пахнет солью и водорослями. Он смотрит и не может поверить. Как может существовать такая огромная, живая, дышащая вещь? Кто создал это? Зачем? Он не знает тогда, что это море — остаток того, что было до Содружества, до порядка, до бессмертия. Он не знает, что через триста лет океаны Земли будут окончательно отрегулированы, переобстроены, подчинены нуждам миллиардов людей. Искусственные волны, управляемые компьютером, будут накатывать на берег по расписанию. Температура воды будет поддерживаться с точностью до десятых долей градуса. Солёность будет оптимизирована для максимального комфорта. В море больше не будет места стихии — только порядок. Но сейчас, в этом воспоминании, море есть. Оно огромное, живое, дышащее. И он стоит на берегу, смотрит на него, и чувствует. Чувствует, что мир — это чудо. Чудо, которое не требует объяснений.

Андрей открывает глаза. Потолок каюты — серый полимер. За иллюминатором — звёзды, расчисленные до сотых долей парсека. Он садится, подходит к стеклу. Смотрит на звёзды. Они всё те же — знакомые, понятные, измеренные. Но он смотрит на них иначе. Не как астронавигатор, не как учёный. Как тот мальчик, который стоял на берегу моря.

Он не знает, сколько этим звёздам лет. Он не знает, из чего они состоят. Он просто смотрит на свет, который шёл к нему миллиарды лет, и чувствует благоговение. Нейросеть молчит. Нет подсказок, нет фильтров, нет коррекции. Только он и звёзды. Только свет и тьма. Только вопрос, который он не может сформулировать, и отсутствие ответа, которое вдруг становится ответом.

Он стоит у иллюминатора до самого «утра». Корабль идёт по курсу, флот движется в идеальном строю, и в этом движении есть что-то, что он никогда не замечал раньше. Тысячи лет человечество училось управлять пространством, и вот результат: материя подчиняется расчёту, время становится инструментом, расстояние перестаёт быть преградой. Но неужели что-то было оставлено? Что-то, что он только сейчас начинает вспоминать.

Когда корабельный хронометр фиксирует новый цикл, он возвращается в рубку. Лира, старший навигационный офицер, смотрит на него с лёгким беспокойством: «Вы выглядите... уставшим». Андрей не отвечает. Садится в кресло, включает карты.

Звёзды на них всё так же мерцают, подчиняясь математике. Но он видит их иначе. И впервые за многие годы ему интересно, что ждёт впереди.

Он ведёт флот дальше, в сектор «Тишина». Семьсот кораблей, полтора миллиона колонистов, пятьдесят тысяч тонн оборудования. Они несут с собой порядок, знание, эффективность. Они несут Содружество. А он смотрит на звёзды и не анализирует их спектр. Он просто смотрит. И переживает. И в этом переживании — то, что он, возможно, утратил бесчисленное число лет назад.

В эту ночь он не спал. Он стоял у иллюминатора, смотрел на звёзды и ждал. Ждал рассвета, которого в космосе не бывает. Ждал того, что не имеет названия. Ждал встречи.

Но звук того крика, случайно услышанного им, больше не тревожит его. Он вдруг стал частью его, как память о море, как руки матери, которую он не помнит, но чувствует. Он стал тихим, ровным фоном, на котором постепенно проступает что-то новое.

Андрей улыбается. И, кажется, впервые — по-настоящему.

Флот идёт вперёд. Семьсот кораблей, идеально выстроенных, несущих в себе три тысячи лет человеческой истории, миллионы жизней, бесконечную мощь разума, который научился управлять реальностью. Они движутся сквозь гиперпространство, преодолевая расстояния, которые древние считали непреодолимыми. Они несут порядок в хаос, свет во тьму, смысл в пустоту.

Андрей ведёт их туда, где, возможно, есть что-то, что тоже не подчиняется порядку, как и он сам теперь. Что-то, что нельзя измерить и колонизировать, нельзя поставить на учёт. Что-то, что делает мир иным.

Глава 2. Стекланные дети

Станция «Гелиос-9» висит в пространстве как идеально огранённый алмаз. Три концентрических кольца, каждое диаметром в двенадцать километров, соединены спицами из углеродных нанотрубок, и вся эта конструкция медленно вращается вокруг красного карлика, создавая искусственную гравитацию с точностью до тысячных долей процента. Двенадцать миллионов жителей, три миллиона копий, бесчисленные тонны грузов, тысячи кораблей, прибывающих и убывающих каждый стандартный цикл — всё это подчинено ритму, который не знает сбоев. «Гелиос-9» — один из десяти тысяч узлов, связывающих Содружество в единое целое. Здесь пересекаются сверхсветовые коридоры, идущие от центра галактики к её окраинам, здесь перераспределяются потоки материи и информации, здесь поддерживается порядок, обеспечивающий жизнь триллионов людей. Станция оснащена системой квантовой криптографии, способной обрабатывать триллионы битов информации в секунду, и сенсорной сетью, пронизывающей каждый сантиметр её структуры. Любое отклонение от нормы фиксируется и анализируется искусственным интеллектом. В Содруестве нет места хаосу — только порядок, который позволяет человечеству стремительно двигаться вперёд.

Андрей ступает на её палубу после того, как сдал флот местному диспетчеру. У него трое суток отдыха перед тем, как продолжится экспедиция. Он идёт по главной артерии станции — широкому коридору из полимерного бетона, стены которого излучают мягкий, ровный свет. Воздух здесь стерилен, с лёгкой примесью антисептика — никаких запахов, никаких ассоциаций, которые могли бы отвлекать от работы. Температура поддерживается с точностью до десятых долей градуса, влажность — до сотых. Система регенерации воздуха использует мембранные фильтры, способные улавливать молекулы размером до 0,1 нанометра, и каталитические конвертеры, превращающие углекислый газ обратно в кислород с эффективностью 99,97%. Всё продумано. Всё контролируется. Всё работает для человека.

Он заворачивает в боковой проход, ведущий к центральному парку. Здесь, за стеклянной стеной, простирается пространство, созданное для отдыха и восстановления сил. Деревья, кусты, цветы — всё из биопластика, идеально воспроизводящего формы и цвета настоящих. Листья колышутся от движения воздуха, создаваемого сотнями микроскопических вентиляторов. На ветвях сидят птицы — тоже искусственные, с чипами, имитирующими пение. Их трели подобраны по частотам, оптимальным для релаксации, и синхронизированы с циркадными ритмами человека. Андрей останавливается перед стеной, смотрит на этот лес. Он красив — пропорции выверены, цвета насыщены, композиция безупречна. Всё здесь создано для того, чтобы человек мог отдохнуть, восстановить силы, подготовиться к новым свершениям. Это — забота Содруества о своих гражданах, выраженная в архитектуре, в планировке, в каждой детали.

Содружество давно отказалось от использования живых растений в местах массового скопления людей. Живые растения требуют ухода, создают неравномерность условий, могут быть источниками аллергии. Их место заняли биопластиковые аналоги, которые не требуют полива, могут быть запрограммированы на любой цвет и форму, и всегда выглядят идеально. Это решение было принято после Великого Соглашения, когда человечество решило, что порядок и предсказуемость — основы благополучия. С тех пор все парки Содруества выглядят одинаково: идеальные копии лесов, которые когда-то существовали на Земле, или гиперреалистичные фантазии, не имеющие аналогов в природе. Жители станций не помнят разницы. Они родились в этом мире, где всё подчинено эффективности. Для них пластиковые деревья

— такие же настоящие, как и любые другие, потому что они выполняют свою функцию: дают отдых, успокаивают, настраивают на рабочий лад.

Он отходит от стены и направляется к центру репродукции — комплексу, занимающему целый сектор среднего кольца. Ему не нужна экскурсия, но он идёт, сам не зная зачем. Может быть, потому что та архивная запись — крик новорождённого — всё ещё звучит где-то на границе восприятия.

Центр репродукции встречает его стерильной белизной. Коридоры здесь шире, чем в других секторах, потолки выше, освещение ярче. Всё сделано так, чтобы внушать доверие и спокойствие. На стенах — голографические панно, демонстрирующие этапы развития эмбриона: от оплодотворённой яйцеклетки до полностью сформированного младенца. Никакой крови, никакой боли, никакого крика. Гладкие, плавные переходы, чистые цвета, идеальные формы. Под каждым панно — QR-коды с данными о генетической оптимизации: каждый эмбрион проходит триста семьдесят четыре проверки на этапе формирования, исключаются все известные отклонения, корректируются предрасположенности к заболеваниям, оптимизируются нейронные связи. Дети Содружества рождаются здоровыми, спокойными, готовыми к обучению и жизни.

Процесс репродукции в Содружестве полностью контролируется государством. Родители, желающие иметь ребёнка, подают заявку, которая рассматривается комитетом по демографической политике. Генетический материал отбирается из банка данных, где хранятся образцы всех граждан за последние три тысячи лет. Комбинации подбираются таким образом, чтобы максимизировать полезные качества и минимизировать риски. Эмбрион развивается в инкубаторе, где условия поддерживаются с точностью, недоступной материнскому организму. Питательная среда обогащается факторами роста, нейромедиаторами, даже обучающими сигналами, которые закладывают базовые нейронные связи ещё до рождения. Ребёнок появляется на свет с уже сформированными рефлексам, готовый к обучению, адаптации, эффективной жизни в Содружестве. Никаких криков, никакой боли. Только тишина и порядок — залог того, что ребёнок вырастет здоровым и счастливым.

Экскурсовод — женщина с идеально отрегулированным лицом, на котором застыла вежливая улыбка — ведёт группу посетителей. Андрей присоединяется, держась в стороне.

Они проходят в главный зал, где в прозрачных инкубаторах плавают эмбрионы. Сотни, тысячи инкубаторов, выстроенных в идеальные ряды, как деревья в питомнике. Каждый эмбрион окружён питательной средой, подключён к системе жизнеобеспечения, окружён датчиками, фиксирующими каждую клетку, каждый нейрон, каждую молекулу белка. Генетический код оптимизирован, исключены все возможные отклонения. Процесс полностью автоматизирован, человеческое участие сведено к минимуму — только контроль, только наблюдение, только статистика.

«Процесс полностью безболезнен, — рассказывает экскурсовод, и её голос течёт ровно, как запись. — Матери не испытывают страданий. Эмбрион развивается в контролируемой среде, все параметры отслеживаются искусственным интеллектом. Роды — как они происходили в древности — были практикой, сопряжённой с высоким риском и ненужными страданиями. Смертность матерей достигала трёх процентов даже в развитых регионах. Мы преодолели это. Теперь создание новой жизни — такая же технологическая операция, как постройка корабля».

Она делает паузу, чтобы группа могла осознать величие достижения. «Кроме того, — добавляет она, — мы исключили психоэмоциональные травмы, связанные с процессом рождения. Древние философы спорили о том, является ли крик новорождённого свидетельством боли или первым актом творения. Мы знаем ответ: это была избыточная реакция на неизбежные, но устранимые страдания. Теперь дети рождаются в тишине, и это — одно из величайших достижений нашей цивилизации».

Андрей смотрит на инкубаторы. В одном из них эмбрион шевелится, переворачивается. Маленькое тело, ещё не полностью сформированное, но уже живое. Он думает о той архивной записи — крике новорождённого. Риск, боль, неопределённость. И хорошо, что их больше нет. Он чувствует гордость. Гордость за человечество, которое смогло взять под контроль самый хаотичный, самый непредсказуемый процесс в своей истории. Рождение больше не является травмой. Жизнь начинается в тишине.

Он выходит из центра репродукции и направляется к смотровой галерее — любимому месту на станции. Здесь, за огромным прозрачным экраном, — открытый космос. Звёзды, туманности, далёкие галактики. Но на экран наложен информационный слой: названия, расстояния, характеристики, история освоения. Звезда, которую древние называли Сириус, обозначена как «Объект HD 48915, тип A1Vm, колонизирована в 3412 году, население — 8 миллиардов, энергетические структуры — кольцо Дайсона третьего типа». Туманность Ориона — «Область звездообразования, полностью освоена, энергетический потенциал — $3,7 \times 10^{30}$ ватт». Галактика Андромеда — «Первый внегалактический объект колонизации, ожидаемое время полного освоения — 12 000 лет». Андрей смотрит на эти данные и чувствует удовлетворение. Всё под контролем. Всё познаваемо. Всё служит человеку.

Он отключает информационный слой. Звёзды становятся просто огнями — точками света в бесконечной тьме. Он смотрит на них и пытается вспомнить, каково это — смотреть и не знать. Каково это — видеть в небе не координаты, а тайну. Каково это — смотреть на звёзды и чувствовать, а не анализировать. Но знание не отключается. Оно въелось в его нейроны, стало частью его, как дыхание. Триста лет знания, которое накапливалось, как песок в пустыне. Триста лет ответов, которые закрыли вопросы.

Рядом останавливается женщина. Она тоже смотрит на звёзды, и её лицо — такое же спокойное, отрегулированное, как у всех. Андрей спрашивает: «Вы когда-нибудь думали, зачем всё это?» Женщина поворачивается к нему, и в её глазах — вежливое недоумение. «Зачем думать? Всё и так работает». Она улыбается и уходит. Её улыбка — стандартная, тренированная, не имеющая оттенков. В Содружестве улыбка — это социальный сигнал, а не выражение чувства. Её можно включить, выключить, отрегулировать по яркости и продолжительности. Эту женщину учили улыбаться так же, как учили говорить, ходить, работать. Она улыбается, потому что так принято. Потому что это эффективно. Потому что это — часть порядка, который делает жизнь предсказуемой и безопасной.

Андрей остаётся один. Он смотрит на звёзды, на станцию под ногами, на корабли, снующие между доками, и думает о том, что видел в центре репродукции. О бесшумных инкубаторах, о детях, которые рождаются без крика. Он думает о том, что чувствуют их возможные матери — если чувствуют вообще. Он думает о той женщине, которая могла держать младенца на руках и слышать его крик, чувствовать его боль. В языке Содружества и нет слов для этого чувства. «Боль» — это сигнал о неисправности, который нужно устранить. «Счастье» —

это оптимальное состояние, которое нужно поддерживать. Всё остальное — избыточность, от которой человечество избавилось ради своей же пользы.

Он уже собирается уходить, когда замечает её. Женщина в сером комбинезоне стоит у входа в галерею, прислонившись к стене. Она не рассматривает экспонаты, не смотрит на звёзды. Она смотрит на него. Её лицо не такое пустое, как у других. В нём есть что-то, что заставляет Андрея замереть. Не угроза — внимание. Она смотрит на него так, как смотрят на то, что требует объяснения. Как смотрят на явление, которое не вписывается в стройную картину мира, но которое, возможно, можно понять, если присмотреться.

Её комбинезон — стандартный для сотрудников Департамента внутренней стабильности: серый, с высоким воротником, без знаков различия. На левом рукаве — едва заметная эмблема: круг, разделённый на три сегмента, символ единства прошлого, настоящего и будущего. Андрей знает этот символ. Департамент отвечает за выявление и устранение любых отклонений, которые могут угрожать стабильности Содружества. Их методы известны: наблюдение, анализ, при необходимости — коррекция. Они не наказывают — они помогают. Помогают тем, кто сбился с пути, вернуться к нормальной, полноценной жизни.

Он отворачивается и идёт к выходу. Он чувствует её взгляд на своей спине — внимательный, оценивающий, профессиональный. Он не оборачивается. Он знает, что она всё ещё там.

Вернувшись в отсек, он садится на кровать, смотрит на дверь. За ней — коридоры станции, миллионы людей, и одна женщина, которая заинтересовалась им. Он не знает, кто она. Но знает, что его отказ от коррекции не остался незамеченным. Он знает, что Содружество заботиться о своих гражданах, и если кто-то начинает вести себя нерационально, ему предлагают помощь. Он знает, что теперь за ним будут наблюдать. И, возможно, не только наблюдать.

Он закрывает глаза. В темноте он видит море. Слышит крик чаек, чувствует солёный ветер на губах. И вдруг понимает, что не вернётся. Ни в эту тишину, ни в этот покой, ни в эту определённую.

Он открывает глаза. За иллюминатором — звёзды. Он смотрит на них и впервые чувствует, что его жизнь может быть чем-то большим, чем просто безупречная работа. Он чувствует себя другим — не таким, каким был всегда. И это — то, что он хочет понять.

Стук в дверь заставляет его вздрогнуть. Он открывает. На пороге — та самая женщина в сером. В её руках планшет, на лице — выражение, которое невозможно прочитать.

«Натаэль Валькер, — представляется она. — Департамент внутренней стабильности. Мне нужно задать вам несколько вопросов».

Андрей смотрит на неё. В её глазах — не злоба, не жестокость. Профессиональный интерес. И что-то ещё. Что-то, что он не может определить. Может быть, любопытство. Может быть, сомнение. Может быть, надежда.

Он отступает, пропуская её в отсек.

«Входите», — говорит он. И, кажется, впервые не знает, что будет дальше. Не хочет знать.

Глава 3. Закон необходимого зла

Натаэль Валькер входит в отсек без стука. В её руках — планшет, на экране которого светятся графики, цифры, заключения. Она кладёт его на стол, и голографическая проекция разворачивается в воздухе: триста лет наблюдений за Андреем, двенадцать процедур обновления сознания, семьдесят три активные копии, и в самом низу — красная отметка, поставленная три дня назад: «Отказ от коррекции. Фиксируются эмоциональные всплески. Требуется наблюдение».

Андрей смотрит на эти данные. Они точны, безупречны, исчерпывающи. Вся его жизнь — триста лет эффективной работы — уместилась в несколько строк, и теперь в самом конце появилась аномалия. Отклонение. Сбой. Что-то, что не вписывается в картину мира, где всё подчинено порядку.

«Вы отключили нейросеть три дня назад, — говорит Натаэль. Её голос спокоен, ровен, в нём нет угрозы. Только констатация факта. — Зафиксированы нарушения сна, эмоциональная нестабильность, отказ от стандартных процедур. Объясните».

Андрей смотрит на неё. В её глазах — не жестокость, не холод. Профессиональное внимание. Она здесь не для того, чтобы наказать. Она здесь для того, чтобы понять. Или, если понадобится, помочь.

«Я хотел... узнать... пережить», — говорит он. Слова кажутся ему неуклюжими, неадекватными тому, что он чувствовал. Как объяснить то, что он сам не до конца понимает? Как объяснить, что, возможно, впервые, как ему казалось, он услышал собственное сердце?

Натаэль садится напротив, кладёт планшет на стол. «Пережить что? Боль? Бессонницу? Тревогу? Это не цели, Вэр. Это симптомы. Симптомы состояния, которое мы научились лечить три тысячи лет назад».

Она касается планшета, и проекция меняется. Теперь перед ними — хронология. 2134 год — первый успешный перенос сознания. 2347 год — открытие гиперпространства. 3012 год — Великое Соглашение. 4011 год — начало колонизации Млечного Пути. Графики роста населения, освоенных систем, энергопотребления. Всё идёт вверх, всё ускоряется, всё подчиняется единой линии прогресса. И в самом начале этой линии — точка. Точка, где человечество чуть не исчезло.

«Вы изучали историю, — говорит Натаэль. — Тогда вы знаете, что мы пережили».

Андрей знает. Он видел записи разрушенных городов, корабли, исчезающие в квантовых аномалиях, лица солдат, которые сходили с ума от того, что их восприятие отказывалось принимать реальность. Война с восставшими ИИ, длившаяся сотни лет. Вторжение сущностей из иной физической реальности, которые не вели войны — они просто существовали, и этого было достаточно, чтобы человеческая материя распадалась на атомы. Потери, отступления, гибель целых систем. Человечество сжималось, откатывалось к ядру, теряло миры, технологии, память. И тогда — Великое Соглашение.

Натаэль увеличивает проекцию. Теперь на экране — текст Соглашения. Три тысячи слов, которые изменили всё. «Мы, выжившие представители человеческой цивилизации, признаём: зло не есть ошибка реальности. Оно есть её свойство. Борьба со злом бесконечна и разрушительна. Отныне мы не делим мир на добро и зло. Мы смотрим на реальность как на целое. Мы принимаем её такой, какая она есть. И мы выживаем».

«Это спасло нас, — говорит Натаэль. — Не философия, не мораль, не вера. Простое, жестокое признание факта. Зло существует. Оно не исчезнет, сколько бы мы ни боролись. Единственный способ выжить — перестать тратить ресурсы на борьбу с неизбежным и направить их на то, что мы можем контролировать. На экспансию. На развитие. На жизнь».

Андрей смотрит на текст Соглашения. Он знает его наизусть — его изучают в школах, его цитируют в речах, его выгравировали на въезде в каждый колонизированный мир. Он всегда казался ему разумным. Необходимым. Единственно возможным. Но теперь, после того крика, после того моря, после той ночи, когда он впервые услышал своё сердце, он чувствует в этих словах что-то, чего не чувствовал раньше. Не ложь — неполноту.

Натаэль касается планшета, и проекция снова меняется. Теперь перед ними — графики, которые Андрей видел в учебниках. Вот — до Соглашения: войны, эпидемии, голод, конфликты. Вот — после: взрывной рост населения, освоение галактики, победа над смертью. Тысячи миров, триллионы жизней, технологии, которые древние называли бы магией. Содружество, простирающаяся от одного края Млечного Пути до другого.

«Мы победили смерть, — говорит Натаэль. — Мы победили болезни. Мы победили голод. Мы победили войны. Мы сделали всё, о чём мечтало человечество тысячелетиями. И всё это — благодаря одному решению. Признать, что зло неизбежно. Перестать тратить силы на борьбу с ним. Направить их на то, что мы можем изменить».

Она делает паузу, смотрит на Андрея долгим, изучающим взглядом. «Вы знаете, что было до Соглашения. Войны, которые длились столетиями. Религиозные конфликты, унесшие миллиарды жизней. Идеологии, которые превращали людей в палачей. А теперь скажите: что мы потеряли? Боль? Страх? Отчаяние? Это не потеря, Вэр. Это освобождение».

Она снова касается планшета, и проекция сжимается, превращаясь в маленькую точку в центре стола. Точку, в которой сходится вся история человечества — тысячи лет борьбы, тысячи лет страданий, тысячи лет потерь. И одна линия, которая идёт вверх, к звёздам.

«Моя мать не понимала этого, — говорит Натаэль. В её голосе впервые появляется что-то, чего Андрей не слышал раньше. Не холод, не профессионализм. Что-то личное. Боль, которая не была вылечена до конца. — Она была учёной, изучала древние культуры. После смерти отца она отказалась от коррекции. Говорила, что хочет сохранить память о нём. Настоящую память, не отфильтрованную».

Андрей смотрит на неё. В её лице — ничего, что выдавало бы эмоции. Но он чувствует: то, что она говорит, важно. То, что она говорит, — это ключ к ней.

«Сначала она просто плакала, — продолжает Натаэль. — Потом перестала выходить из комнаты. Потом начала разговаривать с его голограммами. Потом — с пустотой. Она смотрела на звёзды и ждала, что он вернётся. Ждала три года. Я была рядом. Я видела, как её сознание

распадается. Как нейронные связи, которые она отказалась корректировать, начинают работать против неё. Как она перестаёт отличать воспоминания от реальности, прошлое от настоящего, живых от мёртвых».

Натаэль замолкает. Проекция на столе гаснет. В отсеке становится тихо — только гул двигателей где-то далеко, только дыхание двух людей, которые смотрят друг на друга.

«Я присутствовала при её смерти, — говорит Натаэль. — Не технической неисправности, не сбоя, который можно исправить. Настоящей смерти. Распада личности. И я поклялась, что никто больше не пострадает от этой болезни. Никто не будет страдать, потому что не смог вовремя отключить то, что делает его уязвимым».

Она встаёт. Подходит к иллюминатору. Звёзды отражаются в её глазах, делая их почти живыми.

«Вы думаете, я не чувствую, как вы, Вэр? Чувствую. Я чувствую гордость, когда вижу наши флоты. Я чувствую радость, когда открываю новую систему. Я чувствую верность другим людям и Содружеству, которое дало нам всё. Я чувствую в себе способность жертвовать собой ради других, и не только потому, что это — единственный способ выжить, а потому что я нахожу в этом высшую радость и смысл. Но я не чувствую то, что убило мою мать. Сентиментальность. Бесплезную привязанность к тому, что нельзя вернуть. Иллюзию, что боль имеет смысл».

Она поворачивается к Андрею. В её глазах — не вызов, не требование. Вопрос. Настоящий, живой вопрос.

«Зачем вам это, Вэр? Зачем вам древняя рана, боль, бессонница и бессмысленная тревога? Что вы надеетесь найти там, где три тысячи лет назад наши предки нашли только смерть?»

Андрей молчит. Он не знает ответа. Он не может объяснить словами то, что чувствует. Но он чувствует, что ответ должен быть. Может быть, где-то там, в архивах, в записях тех, кто жил до Соглашения. В голосе женщины, которая спросила: «Почему у меня болит сердце?»

Он подходит к терминалу, включает архив. Натаэль не останавливает его. Она стоит у иллюминатора, смотрит на звёзды, и в её молчании — разрешение. Или ожидание.

Андрей вводит запрос. Не «Великое Соглашение», не «Последняя война», не «история экспансии». Он вводит слова, которые пришли к нему в ту ночь, когда он впервые услышал своё сердце: «Почему у меня болит сердце».

Архив выдаёт сотни тысяч результатов. Философские трактаты, медицинские исследования, поэмы, молитвы. И в самом конце — личный дневник. 3011 год. Женщина. Потеряла сына в последней битве перед Соглашением.

Андрей открывает запись. Голос из динамиков — тихий, надломленный, но живой. В нём нет ни гордости, ни радости, ни верности. Есть только вопрос.

«Сегодня они объявили, что зла не существует. Что это просто наша ошибка восприятия. Есть лишь великая необходимость. Я смотрела на своего сына, который погиб, сражаясь с ИИ, и пыталась поверить. Не могу. Может быть, они правы. Может быть, мир так устроен. Но если зло необходимо, то почему у меня болит сердце? Если зло необходимо, и следовательно, его нет, то почему я чувствую, что что-то было украдено у нас? Не жизнь — сама возможность говорить, что это неправильно».

Натаэль слушает. Её лицо не меняется, но Андрей замечает, как её пальцы сжимаются на планшете. Белеют костяшки. Дрожит.

«Вы хотите сказать, что эта женщина права? — спрашивает она. — Что мы ошиблись? Что три тысячи лет прогресса, три тысячи лет мира, три тысячи лет жизни — это ошибка?»

Андрей качает головой. «Я не знаю. Я не знаю, права ли она. Я не знаю, правы ли мы. Я знаю только, что её вопрос — „почему у меня болит сердце?“ — это то, что я перестал спрашивать сотни лет назад. И теперь я хочу понять. Не ответ — вопрос. Сам вопрос».

Натаэль смотрит на него долго, очень долго. В её глазах — не гнев, не презрение. Что-то, что он не может определить. Может быть, сомнение. Может быть, понимание. Может быть, память о матери, которая смотрела на звёзды и ждала.

«У вас есть время, Вэр, — говорит она. — Не слишком много. Отклонение будет контролироваться. Если вы не вернётесь к норме, мы будем вынуждены вмешаться. Это не угроза. Это забота. О вас. О тех, кто зависит от вашей работы. О тех, кто может пострадать, если вы потеряете контроль».

Она направляется к выходу, но у двери останавливается. Не оборачиваясь, говорит:

«Моя мать тоже задавала вопросы. Она тоже искала смысл там, где его нет. Она думала, что её боль — это что-то важное. Что она делает её собой. А потом она просто перестала быть. И я была рядом. Я видела, как она умирала. Не героически, не красиво. Просто перестала существовать».

Дверь открывается. Натаэль выходит. Андрей остаётся один.

Он смотрит на терминал, где всё ещё светится голос женщины, потерявшей сына. На графики, которые показывают три тысячи лет прогресса. На звёзды за иллюминатором, которые светят так же, как светили тогда, когда эта женщина задавала свой вопрос.

Он не знает, кто прав. Может быть, правы все. Может быть, правда не в ответе, а в вопросе. В том, чтобы продолжать спрашивать, даже когда ответа нет. В том, чтобы чувствовать, даже когда это больно. В том, чтобы помнить, даже когда память становится проклятием.

Он закрывает терминал. Подходит к иллюминатору. Звёзды смотрят на него — холодные, далёкие, равнодушные. И в их свете ему чудится что-то. Не ответ — присутствие. Как будто те, кто жил до него, те, кто задавал те же вопросы, смотрят на него оттуда, из своей далёкой, мёртвой эпохи. И их голоса — голос женщины, потерявшей сына, голос Натаэль, потерявшей мать, голос младенца, кричащего при рождении — всё это сливается в один звук. Вопрос. Вопрос, который Содружество перестало задавать. Вопрос, который он только сейчас услышал.

Он не знает, что будет дальше. Не знает, сможет ли он найти ответ. Не знает, есть ли ответ вообще. Но знает, что вопрос, который он услышал, уже не замолчит. И, может быть, это — начало.

За иллюминатором медленно гаснут огни станции, уступая место настоящей темноте космоса. Андрей стоит у стекла, смотрит на звёзды, и впервые за сотни лет он не чувствует себя частью идеального механизма. Он чувствует себя маленьким мальчиком на берегу у бесконечного моря, который только что услышал вопрос, на который не знает ответа. И, кажется, это — единственное, что имеет значение.

Глава 4. Разговор с другим собой

Ремонтный отсек станции «Гелиос-9» — это мир в миниатюре, где господствует логика и порядок. Инструменты разложены по ячейкам, каждый манипулятор имеет своё место, каждый агрегат подписан и внесён в каталог. Воздух здесь пахнет озоном и разогретым металлом — запахами, которые не встретишь в жилых секторах, где всё стерильно и дезодорировано. Это запахи работы, движения, жизни. Андрей заходит сюда, чтобы проверить настройки навигационного модуля, и замирает на пороге.

Человек, стоящий у станка, поворачивается. Одинаковые лица, одинаковые пропорции тела, одинаковые жесты. Та же линия скул, тот же разрез глаз, тот же способ слегка наклонять голову, когда что-то привлекает внимание. Андрей-7 — одна из его копий, созданная сто лет назад для работы на дальних рубежах. Семьдесят три активных копии Андрея Вэра разбросаны по галактике, и каждая считает себя настоящей. Встреча с ними считается неэтичной — как разговор с самим собой. Но сейчас они смотрят друг на друга, и между ними нет ничего, кроме тишины.

«Привет, оригинал», — говорит Андрей-7. В его голосе нет иронии. Только констатация факта. Сто лет назад они были одним человеком. Теперь они разные. Или не разные? Андрей-0 не знает. Он вообще ничего не знает о том, что делает человека собой.

Они сидят в пустом кафе на внешнем кольце. За огромным прозрачным экраном — космос. Звёзды, туманности, далёкие галактики. Но здесь, в отличие от смотровой галереи, нет информационного слоя. Только звёзды. Только свет, который шёл миллионы лет, чтобы упасть на этот экран, на их глаза, на их одинаковые лица.

Кофе приносит автомат. Синтетический, без запаха, без вкуса — такой же, как везде в Содружестве. Андрей-7 отпивает глоток, морщится. «Помню, когда я был на Земле — давно, ещё в первом теле — там был настоящий кофе. Из зёрен, которые росли в земле, которые собирали люди, которые обжаривали на огне. Это было... неэффективно. Но вкус — ты не представляешь». Он замолкает, смотрит в окно. В его глазах — то, что Андрей-0 не может определить. Не ностальгия. Что-то глубже.

«Ты часто бываешь на Земле?» — спрашивает Андрей. Копия качает головой. «Один раз. Сто лет назад. Больше не тянет. Там всё изменилось. Океаны отступили, города под стеклом, воздух очищен. Красиво. Но... не то». Он не договаривает. Андрей-0 не спрашивает, что именно «не то». Он знает. Или думает, что знает.

Андрей-7 ставит чашку на стол. «У меня была жена. Мира. Мы встретились на Венере-2, когда я работал там навигатором. Она была биологом, изучала местную флору. Там, знаешь, ещё остались дикие растения — те, которые не тронула терраформация. Мы ходили в каньоны, смотрели, как они цветут. Один раз в сто лет, представляешь? Один раз в сто лет эти растения выпускают цветы. Мы ждали этого два года. И когда они зацвели — это было...»

Он замолкает. В тишине кафе только гул двигателей, только дыхание двух одинаковых людей, которые когда-то были одним.

«Она погибла при аварии, — говорит Андрей-7. — Десять лет назад. Корабль, на котором она летела, вошёл в зону гравитационной аномалии. Архив был повреждён. Копия не сохранилась».

Он поднимает глаза на Андрея. В его взгляде — не боль, не горе. Что-то другое. Пустота, которая хуже боли. Или полнота, которую нельзя передать словами.

«Я заказал её копию по архивным данным. Восстановили личность, характер, воспоминания. Технически — это она. Та же внешность, те же привычки, те же слова. Но это не она. Понимаешь? Та, которую я любил, смотрела на закат и смеялась. Эта смотрит на закат и анализирует спектр. Я смотрю на неё и чувствую... пустоту».

Андрей-0 смотрит на свою чашку. Кофе остыл, на поверхности образовалась тонкая плёнка. Он думает о том, что сказал Андрей-7. Технически — это она. Та же внешность, те же привычки, те же слова. Но это не она. Как это возможно? Как может быть не она, если все параметры совпадают? Он хочет спросить, но не знает, как сформулировать вопрос.

Андрей-7 словно читает его мысли. «Ты не понимаешь, — говорит он. — И, наверное, никогда не поймёшь. Потому что ты не терял. Ты не знаешь, что значит смотреть на лицо, которое ты любил, и видеть только копию. Не оригинал, не подделку — копию. Которая говорит те же слова, но не чувствует того же. Которая улыбается той же улыбкой, но за ней — ничего».

Он делает паузу, смотрит на звёзды. В их свете его лицо кажется молодым, почти мальчишеским. Но глаза старые. Старше, чем у Андрея-0. Старше, чем триста лет.

«Знаешь, что сказали мне в Департаменте стабильности? Что это иллюзия. Что разница, которую я чувствую, — это ошибка восприятия. Что коррекция исправит её. И я поверил. Я прошёл коррекцию. Частичную. Достаточно, чтобы перестать чувствовать эту пустоту. Но не настолько, чтобы забыть, как она смеялась».

Он допивает кофе, ставит чашку на стол. В её движении — что-то, что Андрей-0 узнаёт. Своё движение. Или не своё?

«Ты слышал? — говорит Андрей-7, уже вставая. — Валькер из Департамента интересуется тобой. Будь осторожен. Она не прощает тех, кто отказывается от коррекции. Я видел, что с ними делают. Их не наказывают. Их лечат. А потом они выходят и улыбаются. И в их глазах — ничего. Ни боли, ни радости, ни памяти. Только пустота. Или, может быть, покой. Я не знаю. Я уже не знаю, что лучше».

Он уходит. Его шаги гложут в коридоре. Андрей-0 остаётся один.

Он сидит в пустом кафе, смотрит на звёзды и думает о том, что сказала копия. О женщине, которая смотрела на закат и смеялась. О копии, которая смотрит на закат и анализирует спектр. О разнице, которую нельзя измерить, нельзя описать, нельзя воспроизвести. О том, что сказали Андрею-7 в Департаменте: это иллюзия. Ошибка восприятия. Коррекция исправит её.

Но если это иллюзия, почему она болит? Если это ошибка, почему он чувствует пустоту? Если коррекция исправляет, почему он не хочет, чтобы её исправляли?

Он идёт в свой отсек. Коридоры станции пусты — время глубокой ночи по стандартному циклу. Свет приглушён, стены кажутся мягкими, почти жидкими в этом полусвете. Его шаги отдаются эхом, и это эхо — единственный звук, нарушающий тишину. Он думает о том, что сказал Андрей-7. О том, что Натаэль опасна. О том, что тем, кто отказывается от коррекции, «не поздоровится».

В отсеке он останавливается перед зеркалом. Смотрит на своё лицо. То же самое лицо, что у Андрея-7. Те же морщины (хотя их можно убрать за час), те же глаза (хотя цвет можно изменить по желанию). Он пытается увидеть в этом лице что-то уникальное. Что-то, что отличает его от всех остальных Андреев, разбросанных по галактике.

Он не находит.

Он включает терминал, находит свои архивные записи. Там хранятся данные о всех его копиях. Сейчас существует семьдесят три активных копии Андрея Вэра. Они работают навигаторами, инженерами, даже один — художник на планете-курорте. У каждого своя жизнь, свои знакомые, свои маленькие радости и печали. И каждый считает себя настоящим.

Он смотрит на список имён — Андрей-1, Андрей-2, Андрей-3... и до Андрея-73. И себя он видит в этом списке как «Андрей-0» — оригинал. Но что значит «оригинал»? То, что он родился (если правда), а не был создан в инкубаторе? Но его тело давно умерло, он уже несколько раз пересаживал сознание. Чем он отличается от Андрея-7? Чем он отличается от Андрея-12, который работает художником на планете-курорте? Чем он отличается от Андрея-53, который никогда не был на Земле и не помнит моря?

Он закрывает терминал. В отсеке темно, только звёзды светят сквозь иллюминатор. Он смотрит на них, и они кажутся ему такими же, как он сам. Огни, у которых нет индивидуальности. Точки в бесконечном пространстве, которые можно пересчитать, измерить, классифицировать. Никакой тайны. Никакой уникальности.

И вдруг — воспоминание. Оно приходит без спроса, как тот крик, который он не мог заглушить. Море. Серое, холодное, бесконечное. Он стоит на берегу, отец держит его за руку. Ветер пахнет солью и водорослями. Он смотрит и не может поверить. Как может существовать такая огромная, живая, дышащая вещь? Это воспоминание не загружено из архива. Оно не записано в Ноосфере. Оно не продублировано в семидесяти трёх копиях. Оно только его. Оно — то, что делает его им. Не оригиналом — собой.

Он открывает глаза. Смотрит на своё отражение в тёмном стекле иллюминатора. В отражении — не лицо Андрея-0, не лицо Андрея-7, не лицо Андрея-53. Лицо человека, который когда-то смотрел на море и видел чудо. Лицо человека, который только сейчас начинает понимать, что это чудо — не иллюзия. Не ошибка. Не то, что нужно исправлять.

Стук в дверь. Он не оборачивается. Он знает, кто это.

Натаэль входит без приглашения. Она смотрит на него, на его отражение в стекле, на звёзды за ним. В её руках планшет, на экране — данные о его встрече с копией. Вся станция наблюдает за ним. Всё Содружество следит за теми, кто может представлять угрозу. Или за теми, кто может нуждаться в помощи.

«Вы разговаривали со своей копией, — говорит она. Это не вопрос. — Интересно. И что вы поняли?»

Андрей поворачивается к ней. В её глазах — не любопытство. Проверка. Она проверяет его, как проверяют подопытного. Или как проверяют пациента, который может не знать, что болен.

«Я понял, что я — не он, — говорит Андрей. — И он — не я. Даже если мы одинаковы».

Натаэль кивает. «Это иллюзия, Вэр. Вы одинаковы. Разница, которую вы чувствуете, — это ошибка восприятия. Коррекция исправляет её».

«А если это не ошибка?»

Натаэль смотрит на него долго, очень долго. В её глазах — не жестокость, не холод. Что-то, что он не может определить. Может быть, сомнение. Может быть, понимание. Может быть, память о матери, которая тоже задавала вопросы.

«Ваша копия, — говорит она. — Андрей-7. Он прошёл коррекцию. Частичную. Он сказал вам, что чувствует? Пустоту? Или покой? Он знает, где правда?»

Андрей молчит. Он не знает. Не знает, что чувствует Андрей-7. Не знает, что лучше — пустота или боль. Не знает, что правильнее — покой или память.

«Он сказал, что вы опасны, — говорит Андрей. — Что вы не прощаете тех, кто отказывается от коррекции».

Натаэль не меняет выражения лица. «Я не прощаю? Я лечу. Я помогаю тем, кто не может помочь себе. Моя мать не могла. Она думала, что её боль — это что-то важное. Что она делает её живой. А потом она перестала быть собой. Я была рядом. Я видела, как она умирала. Не героически, не красиво. Просто перестала существовать».

Она делает шаг к нему. В её глазах — не угроза. Вопрос. Тот же вопрос, который она задавала в прошлый раз. Тот же вопрос, который он не может оставить без ответа.

«Вы хотите стать таким, как она, Вэр? Хотите смотреть на звёзды и ждать, что кто-то вернётся? Хотите страдать, зная что страдание ничего не меняет? Хотите помнить то, что нельзя вернуть?»

Андрей смотрит на неё. На её лицо, которое не выдаёт эмоций. На её руки, которые сжимают планшет. На её глаза, в которых он видит что-то, чего не видел раньше. Не холод. Не профессионализм. Что-то живое. Что-то, что она пытается скрыть. Что-то, что она, возможно, сама не до конца понимает.

«А вы? — спрашивает он. — Вы помните свою мать? Вы помните, как она смеялась? Как она смотрела на звёзды? Как она ждала?»

Натаэль замирает. Впервые за всё время их разговоров её лицо меняется. Что-то пробегает по нему — тень, которую он не может разглядеть. Боль? Память? Страх? А потом оно снова становится спокойным, отрегулированным, идеальным.

«Я помню достаточно, чтобы не повторять её ошибок», — говорит она.

Она поворачивается и идёт к выходу. У двери останавливается, не оборачиваясь.

«Вы ещё пожалеете, Вэр. Не потому что я хочу вам зла. Потому что я знаю, чем это заканчивается. Я видела. Я была рядом. И я не хочу, чтобы кто-то ещё прошёл через это».

Дверь закрывается. Андрей остаётся один.

Он смотрит на звёзды за иллюминатором. Они неподвижны, далеки, равнодушны. Но в их свете он видит не пустоту. Он видит то, что искал сотни лет, не зная, что ищет. Себя. Не навигатора, не гражданина, не копию. Себя — того, кто когда-то смотрел на море и видел чудо. Себя — того, кто только что услышал вопрос, на который нет ответа. Себя — того, кто выбирает боль, потому что она — не ошибка.

Он подходит к терминалу, открывает архив. Находит запись, которую слушал в прошлый раз. Голос женщины, потерявшей сына. Он слушает его снова и снова, пока слова не становятся частью его. «Почему у меня болит сердце?» И в этом вопросе — не слабость, не болезнь, не ошибка. В этом вопросе — жизнь.

Он закрывает терминал. Ложится на кровать, смотрит в потолок. Завтра он покинет эту станцию. Завтра он вернётся к своей работе. Но что-то изменилось. Что-то, что нельзя отменить. Вопрос, который он услышал, не замолчит. И, может быть, это — начало.

Он закрывает глаза. В темноте он видит море. Слышит крик чаек, чувствует солёный ветер на губах. И понимает, что не вернётся.

Глава 5. Зов глубины

Он падает в сон без сопротивления, как падают в воду, когда устают держаться на поверхности.

Лес встречает его тишиной. Не той стерильной, отфильтрованной тишиной станции, где каждый звук подчинён расписанию, а другой — живой, дышащей, наполненной шорохами, которые нельзя повторить, записать, воспроизвести. Где-то стучит дятел — сухой, дробный звук, который отдаётся в стволах, уходит в землю, возвращается эхом из глубины. Где-то трещит ветка под ногами невидимого зверя. Где-то капает вода — медленно, тяжело, как время, которое здесь течёт иначе. Не линейно, как в Содружестве, где каждый миг учтён, измерен, оптимизирован. А по-другому. По-старому. Как текло всегда, до того, как его научились считать.

Он идёт по тропе, которой нет на картах. Её протоптали не люди — время. Мягкая почва пружинит под ногами, иглы и шишки вдавливаются в подошвы, и в этом движении есть что-то, что он не может назвать. Не покой, не радость. Что-то более древнее. Более глубокое. То, что было с ним всегда, но он забыл. Или заставили забыть.

Стволы деревьев уходят вверх, теряясь в зелёном сумраке. Их кора шершавая, покрытая мхом, который тянется к свету, пробивающемуся сквозь кроны редкими золотыми столбами. В этих столбах танцуют пылинки — живые, настоящие, не синтезированные. Он протягивает руку, и они оседают на ладони, лёгкие, почти невесомые. Он чувствует их. И это чувство — не знание, не анализ, не расчёт. Просто присутствие.

Он выходит на поляну. Озеро перед ним — чёрное, зеркальное, неподвижное. Вода в нём не отражает небо — она хранит его в себе, как память, которую нельзя стереть. Он смотрит в глубину и видит там не дно, не тину, не камни. Он видит себя. Маленького мальчика, который стоит на берегу другого моря, держит отца за руку и смотрит на бесконечность. Мальчик поворачивается, смотрит на него, и в его глазах — вопрос. Тот самый вопрос, который он не может сформулировать. Который не имеет ответа. Который не нуждается в ответе.

Андрей хочет что-то сказать, но не может. Слова исчезают, не родившись. Он стоит на берегу озера, смотрит на себя-ребёнка, и чувствует, как слёзы текут по лицу. Он не вытирает их. Он позволяет им быть.

Лес тает. Озеро уходит в темноту. И на его месте возникает другое — бесконечное, серое, дышащее. Море.

Оно здесь, перед ним, огромное, живое, и в его шуме — всё, что он потерял. Волны накачивают на скалы, разбиваются в белую пену, отступают. Ветер пахнет солью и водорослями. Чайки кричат в вышине, и их крик похож на плач, но не горький, а светлый, как будто они оплакивают что-то, что должно было закончиться, но оставило после себя свет. Он стоит на краю обрыва, смотрит на горизонт, где небо встречается с водой, и не может оторвать взгляд. Там, где они встречаются, нет линии. Есть только переход. Только движение. Только жизнь, которая не знает, что такое смерть.

Он делает шаг вперёд, и земля уходит из-под ног. Он падает, но не боится. Вода принимает его — холодная, солёная, живая. Она обтекает тело, проникает в лёгкие, в кровь, в мысли. Он растворяется в ней, становится частью прилива, частью отлива, частью вечного движения, которое не имеет цели. И в этом растворении — не потеря, а обретение. Обретение того, что он искал сотни лет, не зная, что ищет.

Море уходит. Остаётся только свет. Золотой, тёплый, бесконечный. Он стоит на равнине, поросшей высокой травой, которая колыхается на ветру, как живое существо. Трава касается его рук, и в этом прикосновении — что-то, что он не может назвать. Нежность? Память? Прощание? Небо над ним огромное, от края до края, и оно меняет цвет. Синее становится фиолетовым, фиолетовое — розовым, розовое — золотым. Закат. Настоящий, живой, неповторимый. Не тот, который можно рассчитать по формуле рассеивания света. Не тот, который воспроизводят голографические панели на станциях. А тот, который просто происходит. Потому что звезда уходит за горизонт. Потому что атмосфера играет с лучами. Потому что есть кто-то, кто смотрит.

Он смотрит на закат, и в его глазах отражается свет, который шёл миллионы лет, чтобы упасть на эту равнину, на эту траву, на его лицо. И в этом свете — всё. Вся жизнь, которая была. Вся смерть, которая случилась. Вся надежда, которая не умирала.

Свет гаснет. Равнина исчезает. И он оказывается в комнате. Маленькой, тёплой, пахнущей деревом и молоком. Окна занавешены лёгкой тканью, которая колыхается от ветра, и свет проходит сквозь неё, окрашивая стены в золотистый цвет. На кровати — женщина. Её лицо искажено страданием, но в глазах — невыразимый свет. Она кричит. Этот крик — не боль, не страх, не отчаяние. Это напряжение рождения. Сила, которая выталкивает жизнь из тела в мир. Сила, которая была, есть и будет. Сила, которую Содружество заменило тишиной.

Он стоит у двери, не двигаясь. Он не знает эту женщину. Но знает, что видел её раньше. В другом сне? В другой жизни? В том воспоминании, которое считал стёртым? Она кричит, и в этом крике — всё. Вся боль, которая была, есть и будет. Вся любовь, которая начинается с боли. Вся жизнь, которая входит в мир через крик.

Потом она держит на руках младенца. Крик затихает, и наступает тишина. Но не пустая — полная. Полная дыхания, полная тепла, полная присутствия. Женщина плачет и смеётся одновременно. Она смотрит на младенца, и в её взгляде — то, что невозможно описать словами. Слова Содрущества не имеют для этого названия. Это не «счастье», не «облегчение», не «удовлетворение». Это что-то другое. Что-то, что было потеряно, когда крики новорождённых перестали звучать.

Андрей просыпается. В отсеке темно, только звёзды светят сквозь иллюминатор. Он чувствует, как по лицу текут слёзы. Он не вытирает их. Он лежит, смотрит в потолок, и чувствует, как внутри него отзывается то, что он видел во сне. Лес. Озеро. Море. Равнина. Комната. Женщина. Ребёнок. Всё это было там, в глубине, куда он не заглядывал триста лет. И теперь оно возвращается. Не просит разрешения. Не ждёт ответа. Просто есть.

Нейросеть, отключённая, молчит. Но он знает, что если бы она работала, она бы зафиксировала аномалию. Зафиксировала бы сбой, который нужно исправить. Предложила бы коррекцию, чтобы эти сны не повторились. Он смотрит на панель, где когда-то была кнопка «Да».

Теперь она тёмная, неактивная. Он сам отключил нейросеть. Сам выбрал тишину. Сам выбрал сны.

Он встаёт, подходит к иллюминатору. Звёзды текут мимо, растянутые скоростью, и в их свете он видит не координаты, не спектральные классы, не расстояния. Он видит лес, который никогда не существовал. Океан, которого нет на картах. Женщину, которую он не знает, но которая, возможно, была его матерью. И крик, который не был шумом.

Утром он идёт в коридор. Ему нужно проверить навигационные данные перед отлётом, но он не спешит. Он идёт медленно, чувствуя, как пол вибрирует под ногами, как воздух входит в лёгкие, как сердце бьётся в груди. Он чувствует своё тело — не как инструмент, не как механизм, а как что-то живое, что было с ним всегда, но он забыл. Или заставили забыть.

В коридоре его останавливает голос. Молодой, живой, с нотками нетерпения.

«Вы тот, кто отключил нейросеть».

Андрей поворачивается. Перед ним стоит молодой техник — взъерошенный, с быстрыми движениями, с глазами, которые смотрят на мир так, как будто видят его впервые. В его лице нет той гладкости, которую дают импланты. На нём комбинезон на размер больше, рукава закатаны, на пальцах — следы масла. Он не похож на идеальных граждан Содружества. Он похож на что-то другое. На то, что не вписывается. На то, что выпадает.

«Дарион, — представляется он. — Я техник. Тоже отключил. Три недели назад. Первые дни было страшно. Думал, сойду с ума. А потом...»

Он замолкает, смотрит куда-то в сторону, где за иллюминатором проплывают звёзды. В его глазах — что-то, что Андрей узнаёт. Тот же вопрос. Та же боль. То же ожидание.

«А потом?» — спрашивает Андрей.

Дарион поворачивается к нему. В его улыбке — что-то, что заставляет Андрея вспомнить море. Бесконечное, дышащее, живое.

«А потом я увидел звёзды. Настоящие. Не данные, не координаты, не объекты для колонизации. Просто звёзды. И понял, что всё это время я был слепым. Не физически — душой. А теперь вижу. И не хочу больше закрывать глаза».

Он говорит быстро, сбивчиво, как будто боится, что его прервут. Как будто боится, что не успеет сказать самое важное.

«Вы слышали о секторе „Тишина“? Там, на окраинах, собираются такие, как мы. Те, кто не хочет гасить себя. Те, кто хочет чувствовать. Они говорят, что там реальность другая. Живая. Гибкая. Что там можно быть собой. Не копией, не винтиком, не функцией. Собой».

Он замолкает, смотрит на Андрея с надеждой. В его глазах — вопрос, который он не задаёт. Тот же вопрос, который Андрей слышал в крике новорождённого. В шуме моря. В тишине леса. «Ты с нами?»

Андрей хочет ответить. Но не может. Слова застревают в горле, потому что он не знает, что сказать. Он не знает, кто он теперь. Не знает, что хочет. Не знает, куда идти.

Дарион, кажется, понимает. Он кивает, как будто услышал ответ, который не был сказан.

«Подумайте. Флот уходит завтра. Я буду на третьем транспорте. Если решите — найдёте меня».

Он уходит, быстрый, лёгкий, как ветер. Андрей смотрит ему вслед, и в его памяти всплывает образ леса, озера, моря, женщины с младенцем. И вопрос, который не требует ответа. Который ждёт, когда его просто услышат.

В конце коридора стоит Натаэль. Она смотрит на него, на Дариона, на звёзды за иллюминатором. В её руках планшет, на экране — что-то, что она быстро закрывает. Она не говорит ничего. Просто смотрит. И в её взгляде — не угроза, не предупреждение. Вопрос. Тот же вопрос. «Что ты выбираешь?»

Андрей проходит мимо, не останавливаясь. Он идёт в свой отсек, ложится на кровать, закрывает глаза. Сны ждут его. Они не спрашивают разрешения. Они приходят сами.

Ночью ему снится лес. Он идёт по тропе, и листья шуршат под ногами, и воздух пахнет землёй и хвоей, и где-то вдалеке стучит дятел. Он идёт, не зная куда, и чувствует, как внутри него растёт что-то огромное. То самое чувство, которое он потерял триста лет назад. Чувство, которое нельзя скопировать, нельзя загрузить, нельзя восстановить из архива. Чувство, которое делает его им.

Он выходит на поляну. Озеро перед ним — чёрное, зеркальное, неподвижное. На другом берегу стоит женщина с младенцем на руках. Она смотрит на него, и в её глазах — тот свет, который он видел в комнате, когда она кричала, рождая жизнь. Свет, который не гаснет. Свет, который просто есть.

Она протягивает руку. Он делает шаг в воду. Она холодная, но не пугает. Она принимает его, обтекает тело, поднимается выше. Он идёт, не чувствуя дна, и в этом движении — всё, что он искал. Все вопросы, на которые нет ответов. Вся боль, которая не была ошибкой. Вся любовь, которая начинается с боли.

Он протягивает руку в ответ. Их пальцы встречаются. И в этом прикосновении — не слова, не объяснения, не доказательства. Просто присутствие. Присутствие того, что было, есть и будет.

Он просыпается на рассвете. Звёзды гаснут за иллюминатором, и только одна, на востоке, горит ярче, чем обычно. Или это только кажется? Он смотрит на неё, и в её свете он видит не координаты, не спектральные классы, не расстояния. Он видит лес. Озеро. Море. Равнину. Комнату. Женщину. Ребёнка. И крик, который не был шумом.

Он встаёт, подходит к иллюминатору. Смотрит на звезду, которая гаснет, уступая место утру. И знает, что сегодня он сделает выбор. Не потому что кто-то сказал. Не потому что так правильно. А потому что не может иначе.

Флот уходит в сектор «Тишина» через шесть часов. Андрей будет на «Терранусе». Он будет вести корабли туда, где, возможно, есть ответ. Или нет. Или есть только вопрос. Но он будет идти. Потому что он не может не идти.

Он закрывает глаза. И в темноте он видит не пустоту, а свет. Свет, который был там, где он стоял на берегу моря. Свет, который был там, где женщина держала младенца. Свет, который был там, где Дарион смотрел на звёзды и видел их впервые. Свет, который не гаснет. Свет, который просто есть.

Он открывает глаза. За иллюминатором — звёзды. И одна из них — та, на востоке — всё ещё горит. Или это только кажется? Он не знает. И не хочет знать. Он просто смотрит. И чувствует. И в этом чувстве — всё, что он потерял и, возможно, снова начинает находить.

Глава 6. Дыхание звёзд

Флот входит в сектор «Тишина» на пятнадцатые сутки пути. Андрей чувствует это раньше, чем фиксируют приборы — кожей, позвонками, той частью сознания, которая триста лет назад была даром, а теперь просто работой. Пространство вокруг меняется. Оно становится другим. Не плотнее, не разреженнее — иным. Как будто ткань реальности, которую он привык ощущать как гладкую, ровную, предсказуемую, вдруг начинает пульсировать. Медленно, глубоко, как дыхание.

Голографические карты на пульте мерцают. Андрей смотрит на них, и впервые за сотни лет не может предсказать, что будет через секунду. Координаты звёзд смещаются на сотые доли процента — в пределах нормы, говорит техническая документация. Но он знает, что это не погрешность. Звёзды здесь не стоят на месте. Они дышат.

Он вызывает старшего навигационного офицера, Лиру. Она входит в рубку через минуту — молодая женщина с идеально отрегулированным лицом, на котором застыло выражение спокойной готовности. Её комбинезон безупречен, волосы убраны, движения точны и экономны. Она — продукт Содружества, такой же, каким он был до того, как отключил нейросеть. Андрей показывает ей данные.

Лира смотрит на графики, на мерцающие координаты, на аномальные флуктуации. Её лицо не меняется. «Стандартная флуктуация, — говорит она. — В этой части галактики мало спутников, данные экстраполируются». Андрей смотрит на неё долгим взглядом. «А если это не погрешность?» Лира поднимает брови — едва заметное движение, которое могло бы означать удивление. «А что ещё?» — спрашивает она.

Андрей не отвечает. Он не знает, что ещё. Но чувствует: что-то есть. Что-то, что не вписывается в картину мира, выстроенную Содружеством за три тысячи лет. Что-то, что заставляет звёзды дышать. Что-то, что он, возможно, сможет понять, если будет смотреть не на карты, а на само небо.

Лира уходит. Андрей остаётся один в рубке. Он отключает информационный слой на главном экране и смотрит на звёзды — просто на звёзды, без координат, без расстояний, без спектральных классов. Они здесь, в секторе «Тишина», другие. Их свет не подчиняется стандартным формулам рассеивания. Он пульсирует. То ярче, то тусклее, как сердце, которое бьётся в груди невидимого зверя. Андрей смотрит на эту пульсацию и чувствует, как что-то отзывается в его собственном сердце. В такт. Как будто звезда знает о нём что-то, чего он сам о себе не знает.

На седьмые сутки мерцание усиливается. Координаты звёзд меняются на полпроцента — это уже выходит за пределы любой погрешности. Андрей докладывает командованию. Ответ приходит через два часа: «Продолжать движение по курсу. Аномалия не представляет угрозы». Андрей читает эти слова и чувствует, как внутри него поднимается что-то, чего он не чувствовал прежде. Не злость — любопытство. Настоящее, острое любопытство, которое он испытывал только в детстве, когда смотрел на море и не знал, что там, за горизонтом.

На десятые сутки они выходят из сверхсветового коридора в реальное пространство. Перед ними — сектор «Тишина». Андрей смотрит на главный экран и не может отвести взгляд.

Звёзды здесь не просто мерцают — они дышат. Пульсируют, меняют интенсивность, цвет, форму. Одна из них, ближайшая, вдруг вспыхивает ярче, потом тускнеет, потом снова вспыхивает. Как сердце. Как лёгкие. Как что-то живое, что не подчиняется законам, которые человечество считало вечными.

Он включает сканеры. Данные приходят противоречивые. Гравитационные аномалии, которые не подчиняются закону обратных квадратов. Квантовые поля, которые флуктуируют с частотой, не соответствующей никаким известным процессам. Спектральный анализ показывает линии, которых нет в каталогах. Технический ИИ корабля сообщает: «Вероятность ошибки измерений — 0.003%». Андрей смотрит на эту цифру и понимает: ошибки нет. Просто реальность здесь ведёт себя иначе.

Он связывается с научным отсеком. Оттуда приходит скептический ответ: «Скорее всего, сбой сенсоров. Проведём калибровку». Андрей не спорит. Он знает, что сенсоры исправны. Но он также знает, что никто не поверит в аномалию, пока она не проявится в чём-то осязаемом. Люди Содружества разучились верить в то, что нельзя измерить. Они разучились смотреть на звёзды и видеть в них не данные, а тайну.

Флот продолжает движение. Андрей ведёт его вглубь сектора, туда, где аномалии становятся сильнее. Он не сообщает об этом командованию. Он просто слегка корректирует курс, уводя флот от стандартной траектории в область, где звёзды дышат чаще, где пространство тоньше, где реальность кажется менее плотной, более податливой.

Ночью он не спит. Он стоит у иллюминатора в своей каюте, смотрит на звёзды, которые проплывают мимо, и чувствует, как внутри него растёт что-то, чему нет названия. Не страх — ожидание. Ожидание того, что должно случиться. Ожидание того, что он не может предсказать, не может измерить, не может контролировать. Ожидание, которое было утрачено сотни лет назад и теперь возвращается, как возвращается память о том, как дышать полной грудью.

В иллюминаторе возникает отражение. Не его. Дарион стоит в дверях, прислонившись к косяку. В его руках термос с кофе, на лице — улыбка, которая не вписывается в идеальные лица Содружества. В ней есть что-то живое, неровное, настоящее.

«Не спится?» — спрашивает он.

Андрей качает головой. Дарион подходит, протягивает термос. Кофе горячий, настоящий — не синтетическая имитация, которую подают в кафе на станциях. Андрей делает глоток и чувствует горечь, которая остаётся на языке, не исчезает, не сглаживается. Она просто есть. И это — тоже жизнь.

«Ты знаешь, что здесь происходит?» — спрашивает Андрей.

Дарион смотрит на звёзды. В его глазах отражается их свет — пульсирующий, живой, непредсказуемый.

«Я знаю, что Содружество скрывает правду, — говорит он. — Не потому что она на темной стороне. Она просто не понимает. Не может понять. Её инструменты — логика, расчёт, измерение. А здесь... здесь другое. Здесь нечего измерять. Здесь нужно переживать».

Он делает паузу, смотрит на Андрея долгим взглядом. «Ты чувствуешь?»

Андрей не отвечает. Он смотрит на звёзды и чувствует. Чувствует, как они пульсируют в такт его сердцу. Как пространство вокруг становится тоньше, податливее, как будто реальность можно проткнуть пальцем, и она откроется, как плод, выпуская наружу что-то, что было скрыто тысячи лет.

«В этом секторе есть планета, — говорит Дарион. — Айдора-3. Туда отправляли колонистов первой волны. Они должны были построить базу, запустить терраформирование, создать новый мир. Но что-то пошло не так. Они перестали выходить на связь. А потом... потом они начали возвращаться».

Андрей поворачивается к нему. «Возвращаться?»

Дарион кивает. «Не в Содружество — к себе. Они отключили нейросети. Перестали подавлять чувства. Начали... меняться. Содружество объявило это аномалией. Послало корабли, чтобы их „исправить“. Но некоторые выжили. Спрятались. Живут там, в каньонах, в горах, в местах, где спутники не видят. Их называют реверсантами. Вернувшимися».

Он замолкает. В тишине каюты только гул двигателей, только дыхание двух людей, которые смотрят на звёзды и видят в них не координаты, не данные, не объекты для колонизации. Они видят тайну. И этот взгляд — уже измена. Измена Содружеству, которая учила их, что тайны не существуют. Что всё можно измерить, просчитать, поставить на учёт.

«Ты хочешь туда?» — спрашивает Андрей.

Дарион смотрит на него. В его глазах — тот свет, который Андрей видел в снах. Свет леса, озера, моря, женщины с младенцем. Свет, который не гаснет. Свет, который просто есть.

«Я хочу туда, — говорит он. — Я хочу увидеть тех, кто не гасит себя. Я хочу понять, можно ли жить иначе. Я хочу переживать. Не то, что разрешено. Не то, что оптимально. Всё. Боль, страх, радость, отчаяние. Всё, что делает жизнь жизнью».

Он ставит термос на стол, подходит к иллюминатору. Звёзды отражаются в его глазах, и в этом отражении — не холод, не пустота, не порядок. Жизнь. Та самая, которую Содружество заменило эффективностью и целесообразностью.

«Ты пойдёшь со мной?» — спрашивает он.

Андрей не отвечает. Он смотрит на звёзды и чувствует, как внутри него что-то решается. Не умом — всем существом. Тем, что триста лет назад было даром, а теперь — выбором.

Флот идёт вперёд. Семьсот кораблей, полтора миллиона колонистов, пятьдесят тысяч тонн оборудования. Они несут порядок, знание, эффективность. Они несут Содружество. А он, их навигатор, стоит у иллюминатора, смотрит на звёзды, которые дышат, и чувствует, как его собственное дыхание синхронизируется с ними. Вдох. Выдох. Пульс. Жизнь.

«Я пойду», — говорит он.

Дарион улыбается. В его улыбке — не торжество, не победа. Облегчение. Облегчение человека, который не один. Который нашёл того, кто тоже видит. Кто тоже чувствует. Кто тоже не может принять мир, в котором всё понятно.

Они стоят у иллюминатора, смотрят на звёзды, и в их молчании — всё. Сотни лет пустоты, которые стали ожиданием. Бесконечность тишины, которая стала вопросом. И ответ, который не нужно произносить. Который нужно просто чувствовать.

Утром Андрей возвращается в рубку. Лира смотрит на него с лёгким беспокойством. «Вы выглядите... словно совсем не спали», — говорит она. Андрей не отвечает сразу. Садится в кресло, смотрит на карты. Звёзды на них всё так же мерцают, подчиняясь математике. Но он видит их иначе. Он видит их дыхание. Их пульс. Их жизнь.

«Всё в порядке», — говорит он. И это правда. Всё в порядке. Впервые за сотни лет — действительно в порядке.

Он ведёт флот дальше, вглубь сектора «Тишина». Звёзды становятся ярче, ближе, живее. Пространство вокруг вибрирует, поёт, дышит. Он ведёт их туда, где, возможно, нет ни Содружества, ни законов, ни порядка. Где есть только тайна. И он готов встретить её.

Ночью он снова не спит. Он стоит у иллюминатора, смотрит на звёзды и ждёт. Ждёт рассвета, которого в космосе не бывает. Ждёт того, что не имеет названия. Ждёт встречи. И в этом ожидании — кажется, всё, что он потерял когда-то много лет назад. Вся полнота жизни, которую он променял на безопасность. Вся боль, которую он подавил ради покоя. Вся надежда, которая не умирала, даже когда он думал, что она мертва.

Он смотрит на звёзды, которые дышат в такт его сердцу, и шепчет в пустоту: «Это похоже на ожидание встречи».

Слова повисают в тишине, не находя ответа. Но он знает — ответ есть. Где-то там, в глубине сектора, на планете, где люди перестали гасить себя. Где чувства возвращаются, как возвращается память. Где крик новорождённого не считают шумом. Где боль не лечат, а проживают. Где жизнь не продлевают, а живут.

Он не знает, что найдёт. Не знает, вернётся ли. Не знает, что будет после. Но знает одно: он больше не боится неизвестного. Он больше не ищет безопасности. Он больше не хочет привычного порядка. Он хочет того, что делает звёзды живыми. Того, что заставляет пространство дышать. Того, что он потерял сотни лет назад и теперь, кажется, начинает находить.

Флот идёт вперёд. Семьсот кораблей, идеально выстроенных, несущих в себе три тысячи лет человеческой истории, миллионы жизней, бесконечную мощь разума, который научился управлять реальностью. Они движутся сквозь гиперпространство, преодолевая расстояния, которые древние считали непреодолимыми. Они несут порядок в хаос, свет во тьму, смысл в пустоту.

Андрей впервые ведёт их в неизвестность, туда, где, возможно, мир становится иным.

В рубке гаснет свет. Навигационные системы переходят в режим ожидания. Только звёзды светят за иллюминатором — пульсирующие, живые, дышащие. Андрей смотрит на них,

и в их свете он видит не координаты, не спектральные классы, не расстояния. Он видит лес, который никогда не существовал. Океан, которого нет на картах. Женщину, которую он не знает, но которая, возможно, была его матерью. И крик, который не был шумом.

Он закрывает глаза. И в темноте он слышит не пустоту, а ритм. Ритм звёзд. Ритм пространства. Ритм собственного сердца. И в этом ритме — всё. Всё, что он искал сотни лет, не зная, что ищет. Всё, что он нашёл, когда отключил нейросеть. Всё, что он будет искать, пока жив.

Он открывает глаза. За иллюминатором — звёзды. Он смотрит на них и улыбается. Впервые за триста лет — по-настоящему.

Флот идёт к планете, где, возможно, есть ответ. Или нет. Или есть только вопрос. Но он будет идти. Потому что он не может не идти.

Глава 7. Земля под ногами

Посадочные модули коснулись поверхности на рассвете. Андрей смотрел на главный экран «Террануса», где разворачивалась панорама чужого мира — пустыня, камни, низкое небо с звездой, которая только начинала подниматься над горизонтом. Воздух здесь был не таким, как на станциях, не таким, как на кораблях. Он был гуще, тяжелее, наполнен запахами, которых Андрей не мог определить. Что-то минеральное, острое, как соль. Что-то растительное, сладковатое, как перегной. Что-то живое, тёплое, как дыхание. И что-то ещё. Что-то, что он чувствовал, но не мог назвать.

Он вышел на поверхность первым, чтобы проверить оборудование. Песок скрипел под подошвами, оставляя глубокие следы, которые тут же начинала затягивать позёмка. Ветер дул с юга, тёплый, сухой, и в его движении было что-то, что заставляло Андрея вспоминать море. Не то, которое он видел в детстве, а то, которое снилось ему в последние ночи — бесконечное, шумное, живое. Здесь не было моря, но ветер звучал так же. Так же ритмично, так же бесконечно. Он снял шлем — атмосфера была пригодна для дыхания. И вдохнул полной грудью. Воздух вошёл в лёгкие, и они отозвались — не болью, не дискомфортом, а чем-то, что он не мог назвать. Будто они ждали этого воздуха всю жизнь. Будто всё предыдущее дыхание — стерильное, очищенное, лишённое вкуса — было не дыханием, а его имитацией.

Колонисты выгружали оборудование. Модули росли на пустыре, как грибы после дождя — серые, правильные, чуждые этому пейзажу. Тераформеры начинали свою работу, перестраивая атмосферу, подгоняя её под человеческие стандарты. Их двигатели гудели низко, ровно, и в этом гуле было что-то, что заставляло Андрея чувствовать себя чужим. Не потому что он был чужим. Потому что он начинал чувствовать то, что не должен был чувствовать.

Первые дни колонизации прошли по стандартному протоколу. Модули были установлены, системы жизнеобеспечения запущены, начато бурение для геотермальных станций. Андрей работал, как и все, — проверял навигационное оборудование, калибровал маяки, вносил данные в общую карту сектора. Но по ночам — здесь тоже была ночь, звезда уходила за горизонт, и темнота становилась плотной, почти осязаемой — он не спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.